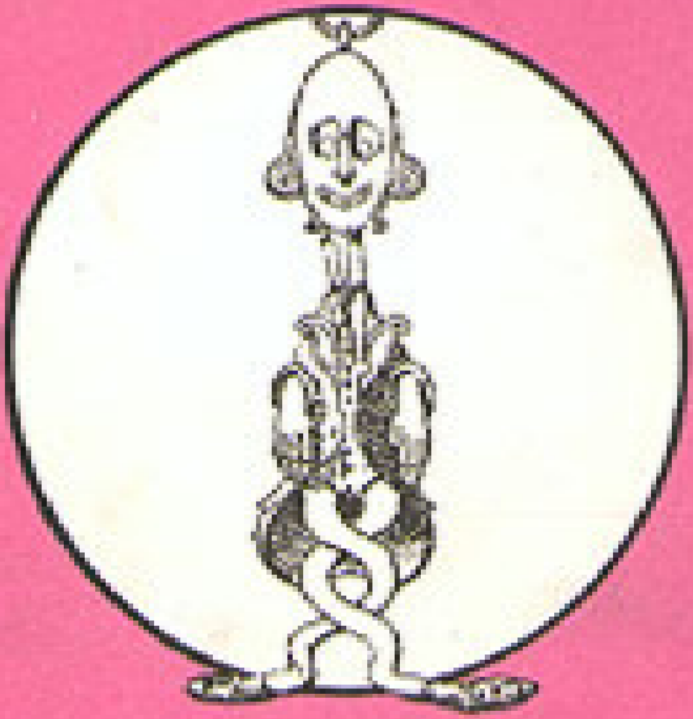
ЖИВАЯ КЛАССИКА



Джером К.

Джером

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Последнее представление» (*My Last Appearance*) — фрагмент (заключительная глава) из книги «На сцене и за кулисами» (*On the Stage — and Off: The Brief Career of a would be Actor, 1885*).

- Джером Клапка Джером

Джером Клапка Джером
Последнее представление

С тех пор как началась моя актерская жизнь, я не был в Лондоне ровно двенадцать месяцев. Я уехал из города рано утром почтовым экспрессом из Юстона, а вернулся поздно вечером голодный, с натертыми до боли ногами, не имея никаких вещей, кроме одежды, которая была на мне.

Эти странички дневника рассказывают о последних месяцах моей актерской жизни. Сквозь некоторые из них слышны грустные нотки — я писал их не в самом лучшем настроении: дела шли из рук вон плохо, и из-за этого я очень сильно расстраивался. Жизнь казалась мне мрачной и безнадежной.

Через три недели после Рождества я писал: «Дела в порядке, денег хватает. Кроме пантомимы, все в основном хорошо: проба будет позже, когда мы начнем путешествовать. Как любит пантомиму провинциальная публика! И как ее ненавижу я! У меня сложилось не очень лестное мнение о провинциальном зрителе: никакого трепета перед театральным действом, грубые шутки, выкрикиваемые во время спектакля, оглушительный рев при появлении актера. Обучаться актерскому мастерству в провинциальных театрах — все равно что изучать английский в Биллингсгейте. В субботу пришлось играть роль в одной Низкой комедии, узнав об этом за полчаса до выхода на сцену. К сожалению, подлинная Низкая комедия ныне безнадежно испорчена.

В разговорах о возрождении театра падение престижа актера, как это не печально, — не самая редкая тема. Едва ли этот престиж поднимется в глазах общественности, когда в «Эре» постоянно встречаются объявления, заканчивающиеся строчками: «От лиц в нетрезвом виде заявления не принимаются», «Нужны особые навыки, чтобы оставаться трезвым в течение всего представления», «Лицам, постоянно употребляющим спиртное, не обращаться». Я знавал идиотов, которые, очевидно, считали, что они не смогут играть роль трезвыми и выйдет лучше, если они перед выходом на сцену напьются. Большинство этих театральных традиций связано с тем, что некоторые великие актеры, исполняя ту или иную роль, всегда бывали пьяны. И какие-нибудь актеришки, исполняя ту же роль, в благородном порыве стремились идти по стопам своего великого кумира и тоже, естественно, напивались. Сквернословие — еще одна примечательная и совершенно ненужная особенность актерского

ремесла. В каждой труппе имеется богатый выбор «оригинальных» выражений на все случаи жизни. Помню один вечер в N. мы договорились платить по пенсу за каждое скверное слово — и через два часа остались без денег…»

Спустя шесть недель: «Дела все хуже и хуже. Наш шеф вел себя в самом деле вполне прилично. Он платил нам жалованье вплоть до конца прошлой недели, хотя для всех было очевидным, что каждый вечер он терпит убытки. Как-то в субботу после выдачи жалованья он собрал нас и откровенно все выложил. Сказав, что больше так не может продолжаться, он предложил нам поработать неделю-другую бесплатно в надежде, что настанут лучшие времена. Мы согласились и объединились в «содружество», хотя название «сонищенство», по-моему, подошло бы нам больше, так как выручка за каждый спектакль со всеми вычетами составляла около восемнадцати пенсов. Наш шеф брал себе три жалованья: одно за то, что он начальник, второе за игру на сцене, а третье — чтобы было три. Те же из нас, кто еще оставался в «содружестве», получали по одному. Я оказался в прескверном положении: вот уже неделю живу на деньги, которые раньше платил за один обед…»

Через неделю эта труппа развалилась, и я вступил в другую, первую попавшуюся. Вот запись того времени: «С трудом свожу концы с концами. Это все, что мне удается. Если так пойдет и дальше, я пропал. Сбережений нет. Очень печальный случай произошел здесь на прошлой неделе. Наш ведущий актер умер от сердечного приступа, оставив жену и двоих детей без средств к существованию. Если бы он был известным столичным актером, получавшим ранее жалованье, скажем, тысячи три в год, то театральная пресса могла бы воззвать к жалостливой публике; друзья объявили бы крупную подписку в его пользу, а театры дали бы благотворительные спектакли, чтобы оплатить долги и похороны. Но поскольку он никогда не получал больше двух фунтов в неделю и ждать помощи от милосердного общества не приходилось, то вдове пришлось пойти стирать белье, чтобы заработать себе и детям на жизнь. Думаю, что даже если бы появился шанс что-то получить, она не стала бы просить милостыни, поскольку лишь упоминание об этом приводило ее в такую ярость, что она начинала нести что-то бессвязное о том, как она боготворила своего мужа, какое почтение испытывает к его профессии и что это чувство никогда не позволит ей пасть так низко…»

Та труппа тоже развалилась. Этот год вообще был ужасным для театров. Дела шли плохо у всех. Обедневшие люди в первую очередь отказывались от развлечений. Постепенно я расстался со

всеми ценностями, какие у меня были. Перед отъездом из очередного города ломбард стал для меня столь же привычен, как сбор вещей в дорогу. Я дрейфовал, словно тонущий корабль, отмечая свой путь ценностями, которые приходилось выбрасывать за борт, спасая себя. Часы остались в одном городе, цепочка — в другом, кольцо — здесь, платье — там, писчие принадлежности и пенал с перьями пропали вообще неизвестно где. Так тянулось довольно долго, вплоть до начала мая, когда было написано это последнее письмо.

«Дорогой Джим! Ура! Наконец-то мне повезло. Надеюсь, все трудности уже позади. Я совсем уж отчаялся думал, что вообще не гожусь для этой профессии. Но сейчас все в порядке. С прошлой субботы я в новой труппе. Дела у нас идут просто великолепно. Наш новый шеф — прекрасный парень и отлично знает свое дело. Этот и осла заставит идти в гору. Афиши и объявления расклеены по всему городу. Он не считается ни с какими расходами. При этом он действительно прекрасный парень и, очевидно, человек большого ума — он очень ценит меня. Он сам предложил мне работу, увидев меня как-то вечером на сцене. Я исполняю Первого Прогуливающегося Господина за тридцать пять шиллингов в неделю. Наш шеф был в армии капитаном. Настоящий джентльмен, он никогда не задирается, ни во что не вмешивается, поэтому его все любят. Он хочет проехать по всему северу Англии, включая большие города Ланкашира и Йоркшира, а на зиму повезти нас в Лондон. Мне предложен контракт на два с половиной фунта в неделю. Я пока не дал согласия — чтобы не показаться слишком сговорчивым. Полагаю, что в таких делах всегда полезно немного потянуть время, поэтому я сказал ему, что должен все хорошенько обдумать, хотя, конечно же, приму его предложение. На этом, извини, должен закончить. Сейчас ухожу с капитаном обедать. Мы остановились здесь на три недели, а потом едем в Х. Очень удобные комнаты. Твой…»

Это было написано во вторник. В субботу к двенадцати часам мы пришли в театр за жалованьем. Капитана там еще не было. Он отправился утром в одно из соседних поместий в гости к какому-то господину, своему большому другу, и поэтому еще не вернулся. Он должен был прийти вечером, и наш любезный исполнительный директор уверил нас, что жалованье выдадут после спектакля.

Вечером, когда закончилось представление, мы собрались около сцены и стали ждать. Не прошло и десяти минут, как наш трагик, который ходил через дорогу пропустить стаканчик, вернулся с испуганным лицом и сказал нам, что минуту назад

видел вокзального кассира, который утверждает, что «Капитан» утренним поездом уехал в Лондон. Тут же появился помощник режиссера, который, оказывается, видел, как наш любезный исполнительный директор с маленьким черным саквояжем выходил из театра сразу после начала спектакля.

Я вернулся в гримерную, собрал свои вещи в узелок и снова спустился вниз. Тихо разговаривая, люди стояли около утомленной и ко всему безразличной сцены. Молча я прошел мимо них к служебному выходу, с трудом приоткрыл тугую дверь и придержал ее на минутку ногой. Посмотрев в темноту, я поднял воротник пальто и вышел на улицу. Дверь с грохотом закрылась за мной, и с тех пор я больше никогда не открывал таких дверей.